

К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОМ ИСПОЛЬЗОВАНИИ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ МЕТОДОВ ПРИ АНАЛИЗЕ УРОВНЯ КОРРУПЦИИ В ОБЩЕСТВЕ

Аннотация.

Актуальность и цели. Вопросы измерения коррупции, как качественных, так и количественных показателей, становятся крайне важной задачей социологической науки. Эффективность любых антикоррупционных мероприятий в немалой степени определяется качеством социологического анализа коррупции как специфического общественного явления, особенностей его реального проявления в современной России. В этой связи необходим тщательный выбор и адекватное использование различных социологических методик измерения уровня коррупции. Цель исследования – рассмотреть различные подходы и социологические методики к измерению уровня коррупции и выявить их эффективность.

Материалы и методы. В работе применяются методы традиционного анализа документов, нормативно-правовых актов, научной литературы и статистической информации по проблематике исследования. Особое внимание уделено анализу официальной методики проведения социологических исследований для оценки уровня коррупции в субъектах РФ.

Результаты. Выявлены основные проблемы и противоречия использования различных социологических методов для измерения уровня коррупции в современной России. По мнению авторов, с помощью анкетного опроса сложно зафиксировать уровень распространения самых важных коррупционных проявлений, спецификой которых является взаимный интерес участников коррупционных сделок.

Выводы. Для получения достоверной и реалистичной информации о проблеме коррупции необходим комплексный подход с использованием как социологических, так и психологических методов.

Ключевые слова: коррупция, коррупционный интерес, уровень коррупции, социологические исследования.

V. P. Vorob'ev, I. A. Murzina

ON THE EFFECTIVE USE OF SOCIOLOGICAL METHODS IN THE ANALYSIS OF THE CORRUPTION LEVEL IN SOCIETY

Abstract.

Background. The measurement of corruption, both qualitative and quantitative indicators, is becoming a very important task of sociological science. The effectiveness of any anti-corruption measures is to a large extent determined by the quality of sociological analysis of corruption as a specific social phenomenon, the peculiarities

of its real manifestation in modern Russia. In this regard, it is necessary to carefully select and adequately use various sociological methods for measuring the level of corruption. The aim of the study is to consider various approaches and sociological techniques to measuring the level of corruption and to identify their effectiveness.

Materials and methods. The work uses methods of traditional analysis of documents, legal acts, scientific literature and statistical information on research issues. Special attention is paid to the analysis of the official methodology of conducting sociological research to assess the level of corruption in the constituent entities of the Russian Federation.

Results. The main problems and contradictions of using various sociological methods to measure the level of corruption in modern Russia have been identified. According to the authors, it is difficult to record the level of distribution of the most important corruption manifestations, the specificity of which is the mutual interest of participants of corruption transactions.

Conclusions. In order to obtain reliable and realistic information on corruption, an integrated approach using both sociological and psychological methods is needed.

Keywords: corruption, corruption interest, corruption level, sociological research.

В последнее время тема коррупции становится одной из обсуждаемых не только в рамках правовых исследований, но и в смежных отраслях общественнознания, в том числе в социологической науке. Такое особое внимание к данной проблеме связано с тем, что качество публичной власти является важнейшим фактором политического, экономического и социального развития как всей человеческой цивилизации, так и отдельных стран.

Как представляется, эффективность любых антикоррупционных мероприятий в немалой степени определяется качеством социологического анализа коррупции как специфического общественного явления, особенностей его реального проявления в современной России. В связи с этим на первый план выходят две проблемы:

– проблема, связанная с поиском наиболее эвристического подхода к определению сущности коррупции как особого типа социального взаимодействия. Сюда же относится и вопрос о границах использования соответствующего понятия;

– проблема выбора адекватных методов измерения уровня коррупции, характерного для конкретного сообщества. При этом очевидно, что решение этой второй проблемы напрямую зависит от того, в каком ключе будет решена первая.

В современной научной литературе коррупция рассматривается отечественными и зарубежными авторами с различных сторон и позиций [1–4]. Неясность и расплывчатость термина «коррупция» и понимания его сущности порождает множество различного рода концептуальных недоразумений и формирует неоднозначное, порой чересчур примитивное отношение общества к этому явлению. В связи с этим в качестве важной задачи проводимых социологических исследований коррупции ставится задача «очищения» соответствующего понятия от надуманных характеристик, которые бессознательно или умышленно ему приписываются.

В большом энциклопедическом словаре понятие коррупции (от. лат. *corruptio* – подкуп) определяется как прямое использование должностным

лицом своего служебного положения в целях личного обогащения, как правило сопряженное с нарушением законности [5]. Согласно федеральному закону РФ № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», под коррупцией понимается злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами [6].

Как видим, принятый в российском законодательстве подход к определению коррупции является достаточно запутанным и в общем «не ухватывает» его социальной специфики [7]. С одной стороны, субъект коррупционной деятельности определяется как любое «физическое лицо», у которого есть возможность использовать в корыстных целях свое служебное положение. С другой стороны, основное содержание упомянутого закона касается представителей публичной власти – государственных служащих, политиков и т.д. Последнее весьма характерно: и в общественном сознании, и в публичном дискурсе вопрос о борьбе с коррупцией обычно трактуется именно как вопрос о совершенствовании этического облика представителей правящей политической элиты и государственной бюрократии. Отсюда ставшие уже привычными рассуждения о «коррумпированных чиновниках» и о необходимости контроля над ними, о желательности максимально сократить само участие чиновничества в процессе регулирования общественной жизни.

По нашему мнению, в официальных международных документах можно найти гораздо более четкие и в то же время более глубокие подходы к определению сущности коррупции. Так, в Кодексе поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, принятом Генеральной Ассамблеей ООН (1979), под коррупцией понимается выполнение должностным лицом каких-либо действий или бездействие в сфере его должностных полномочий за вознаграждение в любой форме, в интересах дающего такое вознаграждение, как с нарушением должностных интересов, так и без их нарушения [8, с. 14]. Такой подход к определению коррупции достаточно четко характеризует ее именно как подкуп должностного лица и ставит в центр научного анализа факт взаимного интереса участников коррупционной сделки. Иначе говоря, коррупция, понятая именно в *аутентичном* смысле (как подкуп должностных лиц), предполагает анализ деятельности не только самих должностных лиц, но и тех, кто их коррумпирует.

Положение дел в сфере измерения уровня коррупции осложняется еще и тем, что сведения из официальных источников не всегда отражают реальную ситуацию о коррупционных правонарушениях. Это связано со сложностью применения и исполнения законодательной базы, политикой «замалчивания» как органов власти, так и лиц, вовлеченных в коррупционное взаимодействие. Кроме того, многие виды коррупции даже не связаны напрямую с выплатой денежных вознаграждений и не квалифицируются как коррупционные правонарушения. Наряду с официальной статистикой для исследования коррупции все чаще используют социологические опросы и экспертные

оценки. Стоит отметить, что существует немало трудностей в измерении коррупции, исходя из многогранности этого явления. Основные стоящие перед исследователями методологические проблемы заключаются в следующих особенностях: относительная новизна тематики исследований; разрозненность научных методологических подходов; латентная природа коррупции и, как следствие, отсутствие объективной статистики; отсутствие заинтересованности коррумпированных чиновников, имеющих широкий спектр полномочий, в правдивом сборе подобных статистических данных [9, с. 38].

Обобщая различные методологические подходы к измерению коррупции, можно условно разделить их на три группы. К первой группе относятся социологические опросы. Лидирующую позицию измерения коррупции в этом подходе занимает Всемирный банк. Вторую группу составляют экспертные оценки. Наиболее известный проект в этой области исследований – Nations in Transit, осуществляемый американской общественной организацией Freedom House. Интегральные оценки, выставляемые путем агрегирования рейтингов коррупционности, предлагаемых различными организациями, образуют третью группу методик. Наиболее известный пример здесь – применение методики измерения коррупции посредством выявления индекса восприятия коррупции, разработанной общественной организацией Transparency International. Данная методика основывается на нескольких независимых опросах и представляет собой оценку от 0 (максимальный уровень коррупции) до 100 (отсутствие коррупции). Как результат, этот подход требует проведения значительно большего числа обследований и объемов данных о коррупции, которые отсутствуют в настоящее время, так как не консолидированы и находятся в разных плоскостях науки [9, с. 37]. На наш взгляд, социология в принципе обладает необходимым методологическим фундаментом для комплексных исследований проблем коррупции, что позволит более плодотворно осуществлять научный поиск и вырабатывать действенные меры, направленные на борьбу с коррупцией.

Вместе с тем измерение коррупции становится и активным направлением лиц, принимающих государственные решения, и значительным элементом национальной антикоррупционной стратегии. Так, Постановлением Правительства РФ от 25.05.2019 № 662 была утверждена Методика проведения социологических исследований в целях оценки уровня коррупции в субъектах Российской Федерации. Данная методика разработана в рамках реализации Национального плана противодействия коррупции.

На примере данной методики можно проиллюстрировать сильные и слабые стороны массового социологического опроса как инструмента измерения уровня коррумпированности общества.

Социологические опросы нацелены на исследование названных в Постановлении «бытовой» и «деловой» коррупции, понятия которых, как нам представляется, раскрыты не в полной мере. «Бытовая» коррупция трактуется как возникающая при взаимодействии граждан и представителей органов власти, в том числе при предоставлении государственных (муниципальных) услуг, а «деловая» коррупция – как возникающая при взаимодействии органов власти и представителей бизнеса [10].

По нашему мнению, главный дефект анкеты, посвященной деловой коррупции, связан с тем, что в ней смешаны признаки анкеты, предназначен-

ной для **массового** опроса, и опросника для проведения **экспертного** опроса. Специфика группы, для которой составлена анкета, предполагает, что это обычный массовый опрос респондентов (в массовом опросе участвует респондент, исходящий из *собственного опыта, опыта своей организации и пр.*, в экспертном – эксперт, который может объективно *осветить всю проблему в целом*). Но в указанной анкете имеются признаки именно экспертного опроса:

– представлен слишком большой массив сложных вопросов, на которые обычный респондент просто не будет вдумчиво отвечать (эксперты за участие в опросе, кроме всего прочего, обычно получают вознаграждение – в отличие от обычных респондентов); аналогичный недостаток, кстати, присутствует и анкете по так называемой «бытовой» коррупции (например: «Для борьбы с коррупцией государство разработало ряд антикоррупционных мер. Дайте свою субъективную оценку каждой из указанных мер (один ответ в каждой строке)»; «В какую сторону, по Вашему мнению, за последний год изменился уровень коррупции при взаимодействии с указанными органами власти? (необходимо последовательно пройти позиции 22.1–22.16 и отметить один ответ в каждой строке, в указанном вопросе последовательно отмечаются только те органы власти, по которым респондент дал ответ в столбцах 2–5 по вопросу № 5)»). Вряд ли обычный бизнесмен в состоянии более-менее адекватно представить свое мнение по указанным вопросам, ориентированным, как уже говорилось, на экспертные знания;

– имеется большое количество прямых вопросов, касающихся положения дел в других организациях с той же отраслевой спецификой (например: «Когда организации (предприятия, фирмы, бизнес) Вашей отрасли, по размерам схожие с Вашей, получают государственные (муниципальные) контракты, производят ли они обычно неофициальные выплаты для их получения?»). Здесь обычный респондент, не вовлеченный в коррупционные отношения, вынужден, по сути, излагать свои предположения – вне зависимости от собственной осведомленности.

Кроме того, с помощью анкетного опроса – даже анонимного – вообще сложно зафиксировать уровень распространения самых важных («аутентичных») коррупционных проявлений, спецификой которых является, как уже говорилось, *взаимный интерес* участников коррупционных сделок. Вряд ли бизнесмен, получающий выгоды от коррупционных сделок, будет искренен, отвечая на приведенные выше вопросы (тем более при общении со своими коллегами по бизнесу, которые впоследствии могут выступить в роли респондентов); в этом случае участники анкетирования либо будут выделять случаи обычных «чиновничьих поборов» (от которых страдают все представители бизнеса и которые не являются «закрытой» темой для обсуждения в данной среде), либо начнут просто фантазировать по поводу коррупционных успехов своих конкурентов по бизнесу.

По нашему мнению, при помощи массового анкетного опроса можно более-менее адекватно зафиксировать лишь упомянутое выше «восприятие коррупции», т.е. степень остроты данной проблемы в глазах респондентов. Здесь информативна *динамика оценок*, так как на абсолютные показатели рейтинга восприятия коррупции влияют такие посторонние факторы, как позиция СМИ (например, постоянное повторение в СМИ утверждений о тотальности коррумпированности чиновников), а также массовое восприятие

самой коррупции как «ненормального явления» – скажем, в некоторых странах с высоким уровнем коррупции индекс восприятия коррупции может снижаться из-за того, что в культуре населения коррупция воспринимается как нормальное, обыденное явление, т.е. вообще не как проблема.

Тем не менее даже для измерения индексов восприятия коррупции необходимы анкеты, более подходящие именно для массового социологического опроса – более короткие, с более простыми вопросами, нацеленными на выявление личных позиций и личного опыта опрашиваемых.

С этой точки зрения классический экспертный опрос кажется более объективным методом диагностики уровня коррупции, однако и здесь встанут многие проблемы, прежде всего связанные с тем, что латентные формы коррупционных отношений не всегда сможет оценить и эксперт, оперирующий данными, полученными традиционными методами.

Исходя из всего сказанного, можно сделать предположение о том, что, по всей видимости, социологические методики измерения коррупции могут быть более-менее адекватными лишь в комплексе с социально-психологическими методами, ориентированными не столько на выявление фактов коррупции, сколько на определение степени комплиментарности психологических (в том числе и неосознанных) установок населения, представителей бизнеса, политиков и государственных служащих по отношению к коррупционным формам межличностного взаимодействия. Выбирая же сами социологические методики, стоит уделить серьезное внимание нестандартным направлениям их развития, ориентированным на включенное наблюдение и эксперимент.

Библиографический список

1. **Китова, Д. А.** Коррупция как объект социально-психологических исследований: состояние и перспективы / Д. А. Китова, А. Л. Журавлев, В. А. Соснин, А. В. Юревич // Социальная и экономическая психология. – 2017. – Т. 2, № 3. – С. 6–38.
2. Социально-психологические исследования коррупции : монография / отв. ред.: А. Л. Журавлев, Д. А. Китова, В. А. Соснин. – Москва : Ин-т психологии РАН, 2017. – 285 с.
3. **Киселев, И. Ю.** Восприятие россиянами коррупции как социальной проблемы / И. Ю. Киселев, С. В. Зуева // Власть. – 2018. – Т. 26, № 8. – С. 169–182.
4. **Савченко, И. А.** Причины коррупции в кросс-методологическом измерении / И. А. Савченко, Л. А. Снегирева, С. В. Устинкин // Власть. – 2018. – Т. 26, № 5. – С. 35–39.
5. Большой энциклопедический словарь. – URL: http://endic.ru/enc_big/Korrupcija-29010.html (дата обращения: 02.12.2019).
6. О противодействии коррупции : Федер. закон РФ от 25.12.2008 № 273-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/
7. **Воробьев, В. П.** К вопросу об аутентичном понимании социальной сущности коррупции / В. П. Воробьев // Эволюция общественных отношений в процессе российской модернизации: социетальный и региональный аспекты : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. – Пенза : Приволжский Дом знаний, 2017. – С. 5–10.
8. Основы борьбы с организованной преступностью / под ред. В. С. Овчинского, В. Е. Эминова, Н. Н. Яблокова. – Москва : ИНФРА-М, 1996. – 400 с.

9. Писаренко, А. П. Изучение коррупции и ее измерителей: мультинаучный подход / А. П. Писаренко // Вестник Таганрогского института экономики и управления. – 2018. – № 1. – С. 36–39.
10. Об утверждении методики проведения социологических исследований в целях оценки уровня коррупции в субъектах Российской Федерации : Постановление Правительства РФ от 25.05.2019 № 662 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_325751/

References

1. Kitova D. A., Zhuravlev A. L., Sosnin V. A., Yurevich A. V. *Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya* [Social and economic psychology]. 2017, vol. 2, no. 3, pp. 6–38. [In Russian]
2. *Sotsial'no-psikhologicheskie issledovaniya korruptsii: monografiya* [Social and psychological researches of corruption: monograph]. Execut. eds.: A. L. Zhuravlev, D. A. Kitova, V. A. Sosnin. Moscow: In-t psikhologii RAN, 2017, 285 p. [In Russian]
3. Kiselev I. Yu., Zueva S. V. *Vlast'* [Power]. 2018, vol. 26, no. 8, pp. 169–182. [In Russian]
4. Savchenko I. A., Snegireva L. A., Ustinkin S. V. *Vlast'* [Power]. 2018, vol. 26, no. 5, pp. 35–39. [In Russian]
5. *Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'* [Big encyclopedic dictionary]. Available at: http://endic.ru/enc_big/Korruptcija-29010.html (accessed Dec. 02, 2019). [In Russian]
6. *O protivodeystvii korruptsii: Feder. zakon RF ot 25.12.2008 № 273-FZ* [On the resistance of corruption: Federal Law of the Russian Federation of December 25, 2008 No 273-FZ]. RRS “ConsultantPlus”. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/ [In Russian]
7. Vorob'ev V. P. *Evolutsiya obshchestvennykh otnosheniy v protsesse rossiyskoy modernizatsii: sotsial'nyy i regional'nyy aspekty: sb. st. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Evolution of social relations in the process of Russian modernization: social and regional aspects: proceedings of International scientific and practical conference]. Penza: Privolzhskiy Dom znaniy, 2017, pp. 5–10. [In Russian]
8. *Osnovy bor'by s organizovannoy prestupnost'yu* [Fundamentals of combating organized crime]. Ed. by V. S. Ovchinskiy, V. E. Eminov, N. N. Yablokov. Moscow: INFRA-M, 1996, 400 p. [In Russian]
9. Pisarenko A. P. *Vestnik Taganrogskogo instituta ekonomiki i upravleniya* [Bulletin of Taganrog Institute of Economics and Management]. 2018, no. 1, pp. 36–39. [In Russian]
10. *Ob utverzhdenii metodiki provedeniya sotsiologicheskikh issledovaniy v tselyakh otsenki urovnya korruptsii v sub"ektakh Rossiyskoy Federatsii: Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 25.05.2019 № 662* [On the approval of the methodology for conducting sociological research in order to assess the level of corruption in the regions of the Russian Federation: the Decree of the Government of the Russian Federation of May 25, 2019 No 662]. RRS “ConsultantPlus”. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_325751/ [In Russian]

Воробьев Владимир Павлович

доктор социологических наук, профессор,
кафедра государственного управления
и социологии региона, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: vvp@sura.ru

Vorob'ev Vladimir Pavlovich

Doctor of sociological sciences, professor,
sub-department of public administration and
regional sociology, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Мурзина Ирина Александровна

кандидат социологических наук, доцент,
кафедра государственного управления
и социологии региона, Пензенский
государственный университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: gmu_08@mail.ru

Murzina Irina Aleksandrovna

Candidate of sociological sciences,
associate professor, sub-department
of public administration and regional
sociology, Penza State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

Образец цитирования:

Воробьев, В. П. К вопросу об эффективном использовании социологических методов при анализе уровня коррупции в обществе / В. П. Воробьев, И. А. Мурзина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2020. – № 3 (55). – С. 92–99. – DOI 10.21685/2072-3016-2020-3-9.